

Простое ли это совпадение или важный знак, но 2015 год, объявленный в России Годом литературы, открылся 15 января 220-летним юбилеем Александра Грибоедова. По-моему, главная интрига этого совпадения заключается не в том, что юбилей позволит нам ещё раз вспомнить об авторе бессмертной комедии «Горе от ума», а в том, что эта юбилейная дата заставляет нас взглянуть на историю русской литературы именно через призму жизненного подвига Грибоедова, в облике которого в России явился «гражданин грядущего века», безмерно талантливый и отважный сын своей Родины, ставший «самым могучим проявлением русского духа» (В.Г. Белинский).

Весь жизненный путь поэта был связан с преданным служением Отечеству, невзирая на кривотолки злопыхателей и адские опасности этого пути. Несмотря на героическую гибель, на Грибоедове до сих пор лежит клеймо чиновника, который якобы не справился со своими обязанностями и оказался сам виноват в разыгравшейся трагедии. А что говорить о звучащей до сих пор критике, будто Грибоедов — автор лишь одного произведения, который «исписался» сразу же после завершения «Горя от ума».

Особенно же «не повезло» Грибоедову в вопросе увековечивания его памяти. Достаточно сказать, что, не считая музея в Хмельте Смоленской области, где поэт бывал только в детские годы, его музея нет ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. Для сравнения: в память Пушкина в России открыто не менее 12, а Лермонтова — не менее 5 музеев. В Москве нет также ни улицы (она была ранее, но в 1994 году оказалась переименованной в Малый Харитоньевский переулок), ни площади или даже станции метро имени Грибоедова (в Петербурге есть набережная канала Грибоедова). Правда, в Москве есть так называемый Грибоедовский дворец бракосочетания и памятник поэту на Чистых Прудах, но этого слишком мало для человека, прославившего Москву не только своим рождением и творениями, но и отражением целой эпохи её истории, которая по праву была названа «Грибоедовской Москвой».

Любопытно, что в Москве открыты и действуют не менее 20 музеев, посвящённых тем или иным мастерам слова, и очень странно, что в этом списке нет Грибоедова. Такое отсутствие особенно разительно, если учесть, что в столице есть музеи В.Л. Пушкина, А. Герцена, В. Брюсова, Андрея Белого, К. Паустовского, М. Цветаевой, Н. Островского и В. Высоцкого, которые, конечно, достойны музейной памяти, но вряд ли более, чем Грибоедов. «Отечество, сродство и дом мой в **Москве**» — так писал поэт о своём родном городе, в котором ему суждено было прожить почти безвыездно, не считая летнего отдыха, почти 17,5 лет до вступления корнетом в Московский гусарский полк. В Москве поэт учился в университете, проявил свой первый интерес к литературе и драматургии. Позже он был в Москве проездом восемь раз в самые важные периоды своей жизни, но самое главное, что с марта 1823-го по май 1824 г. он провёл в столице более 13 месяцев, накапливая наблюдения и завершая «Горе от ума».

Получается, что из короткой жизни Грибоедов провёл в Москве около 19 лет, и как обидно, что в столице не увековечена достойным образом память о её выдающемся сыне. Первоочередными мерами на этом пути представляется решение вопроса о присвоении имени Грибоедова одной из улиц, площадей или станций метро, а также создание в Москве музея поэта (или, возможно, одновременно и музея Грибоедовской Москвы). К счастью, в отличие от несохранившихся московских зданий, где поэт родился и провёл самые юные годы, сохранилось то самое здание по Новинскому бульвару, 17, которое мать поэта Н.Ф. Грибоедова приобрела ещё в 1801 г., а потом, после пожара Москвы при французах, выстроила заново. И хотя это здание за прошедшее время не раз перестраивалось, его можно считать «родным» домом поэта.

ДОРОГИ ПОЭТА: ОТ МОСКВЫ ДО ТЕГЕРАНА

«Прощай, мой друг, сейчас опять в дорогу» — эти слова Грибоедова из письма другу С.Н. Бегичеву можно смело поставить в качестве эпиграфа ко всей скитальческой жизни поэта: из 34 прожитых лет ему выпало почти непрерывно скитаться более 16 лет после отъезда в армию из Москвы летом 1812 г. И неслучайно сам поэт называл себя «секретарём странствующей миссии» и писал «о частых разъездах, поглощающих пять шестых времени».

Началось же всё со службы корнета Грибоедова до конца лета 1815 г. в Брест-Литовске в Кавалерийских резервах под командованием генерала А.С. Кологривова. В июне 1817 г. поэт был принят на службу в Коллегию иностранных дел на должность губернского секретаря, в декабре 1817 г. произведён в переводчики, а 14 июля 1818 г. назначен секретарём при русском поверенном в Персии С.И. Масаревиче. В итоге своего «персидского выбора» Грибоедов, выехав из Петербурга в конце августа 1818 г., вернулся в Москву только в начале марта 1823 г., а в Петербурге появился лишь в июне 1824 г. В этот раз он пробыл на Востоке почти четыре с половиной года, в том числе непосредственно в Персии около двух лет и восьми месяцев. Тогда поэт не знал, что его ждёт ещё три периода пребывания на Востоке.

Получается, что поэт провёл на Востоке без малого семь лет, в том числе в Персии около трёх лет и восьми месяцев. А если учесть, что все эти командировки сопровождался долгими переездами по России, то понятным становится, почему поэта многие называли «странником», да ещё с приставкой «персидский». Расстояние от Петербурга до Тифлиса и обратно поэт проехал семь раз, а это 2670 вёрст и 107 почтовых станций в один конец, что в итоге составляло около 20 000 вёрст. Можно сделать подсчёт, что в целом непосредственно в дороге Грибоедов провёл около двух с половиной лет, преодолевая за день в среднем 40–50 вёрст.

Наряду с Москвой колоссальную роль в судьбе поэта сыграл **Санкт-Петербург**, в котором он провёл суммарно почти пять лет: в 1815–1818, в 1824–1825, в 1826 и 1828 гг. Здесь он впервые появился

как корнет, затем жил после отставки с военной службы, начинал свои литературные опыты, поступил на службу в Коллегию иностранных дел, отсюда отправился в Персию. Позже он заканчивал здесь «Горе от ума», пережил наводнение, находился под арестом по подозрению в участии в движении декабристов и был прощён императором. Именно сюда поэт торжественно привёз Туркманчайский договор, здесь он сдружился с Пушкиным, отсюда же он в качестве полномочного министра отправился в своё последнее персидское хождение.

Следующим важным для поэта местом стал **Тифлис** (ныне Тбилиси), где Грибоедову суждено было с 1818 по 1828 г. за время нескольких длительных пребываний прожить около трёх лет. Поэт считал этот город почти родным. «Спешите в Тифлис, — писал он после краткого нахождения в городе, — не поверите, что за роскошь!». В этом городе поэт нашёл и применение своему таланту дипломата и государственного деятеля, и вдохновение для творчества, и свою любовь к Нине Чавчавадзе. Особым местом притяжения для поэта стало имение князя А. Чавчавадзе Цинандали в Кахетии. За два месяца до гибели Грибоедов писал: «Прощай честолобие... ведь это не главная моя статья. Цинандали и Кахетия большего стоят...» И совсем неслучайно упокоится поэту выпало именно в Тифлисе на горе Мтацминда, ведь он сам сказал как-то жене: «Не оставляй костей моих в Персии, если умру там, похорони меня в Тифлисе, в монастыре Св. Давида».

А.С. Грибоедов. Портрет работы В. Сорокина

Проявить свой дипломатический талант Грибоедову пришлось прежде всего в **Тавризe** (Тебризе) — столице иранской провинции Южный Азербайджан, ставшей местом, где Грибоедов провёл в целом почти два с половиной года, так как именно там находилось посольство России. Долгая и уединённая жизнь в этом городе сослужила поэту огромную пользу. Он ещё больше узнал нравы и обычаи Персии, обогатил свой дипломатический опыт, выучил персидский язык, прочёл всех персидских поэтов. Главное же, что именно в Тавризe поэт сделал свой первый шаг к бессмертию — созданию комедии «Горе от ума».

А роковую роль в судьбе поэта сыграл **Тегеран**, куда Грибоедов приехал в первый раз в начале марта 1819 г., оставаясь там до середины августа. Во второй раз Грибоедов провёл в Тегеране всего лишь месяц, вплоть до дня трагедии 30 января 1829 г. Этот город поэту, как свидетельствуют его записки и письма, в итоге так и не понравился.

Стоит подчеркнуть, что почти все странствия поэта, которые он называл «противуволевыми», протекали в сложнейших условиях того времени, порой в зимнюю стужу или несносную жару, и не могли не вызывать нередко подавленные настроения у поэта: «Нет! Я не путешественник!

Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправника, в таможенных смотрителя; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее; но по доброй воле, из одного любопытства никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года». И как тут было обойтись без мрачных предчувствий, которые постоянно сопровождали поэта. Он сам нагадал себе пророчество ещё в Новгороде по пути в Персию, в письме Бегичеву 30 августа 1818 г., вспоминая судьбу Александра Невского, скончавшегося, возвращаясь из Золотой Орды: «Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто весёлое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался; может и соимённого ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!»

В октябре 1824 г., мечтая об отпуске, поэт, пресытившись столицами, писал П.А. Катенину из Петербурга: «...Я здесь на перекутке в чужие края, попаду ли туда, не ручаюсь, но как распологаю собою: отсюда в Париж, потом в Южную Францию, коли денег и времени достанет, захвачу несколько приморских городов, Италию и Фракийским Босфором в Чёрное море и к берегам Колхиды». Но судьба распорядилась иначе: в мае 1825 г. он направился на службу в Грузию через Киев и Крым, получив возможность первого в жизни путешествия, не отягощённого служеб-

В этом главном здании комплекса, где размещалось посольство, по всей вероятности, и произошёл фатальный акт драмы — гибель великого поэта и дипломата

Грибоедовский уголок на территории современного посольства России в Тегеране

ными обстоятельствами. «Сам я в древнем Киеве; надыхался здешним воздухом и скоро еду далее, — писал поэт В.Ф. Одоевскому. — Здесь я пожил сумерками; Владимир и Изяславы совершенно овладели моим воображением... Природа великолепна... прибавь к этому святость развалин, мрак пещер. Как трепетно вступаешь в темноту Лавры и в чертёлый Софийского Собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на свет...»

Тут перед нами предстаёт новая ипостась, которую обычно обходит стороной, характеризую творческий облик Грибоедова, православного писателя и мыслителя, просто не успевшего проявить себя в полной мере на этом поприще. «Обязанности мои как сын церкви исполняю ревностно. Если бывали годы, что я не исповедовался и не приобщался святых тайн, то оно случалось непроизвольно», — показывал поэт на следствии по делу декабристов. В.Ф. Одоевский отмечал: «Грибоедов был большой знаток нашей старины и едва ли не один из тогдашних литераторов... прилежно занимался русскими древностями. Летопись Нестора была его настольною книгою. Этим постоянным чтением Грибоедов приобрёл необыкновенную в то время чистоту языка и те смелые русские... идиомы, которыми отличается слог его».

Поэт искал темы для воплощения своего интереса к русской истории и, посетив в Крыму Корсунь (Херсонес), задумал написать трагедию о святом князе Владимире, принявшем там крещение. В Крыму же, как свидетельствовал А.Н. Муравьев, Грибоедов рассказал ему план трагедии о князе Фёдоре Рязанском, посланном в 1237 г. на переговоры с Батыем и злодейски убитым. В 1826 г. поэт признавался одному из знакомых: «Душа моя темница, и я написал трагедию из вашей Рязанской истории». Сохранилась сцена «Серчак и Илья», которая, вероятнее всего, и должна была войти в эту трагедию. В 1828 г. Грибоедов приступил к созданию драмы «1812 год», план которой и одна из сцен также сохранились.

Гадать — неблагоприятное дело, но останься поэт жить, можно представить, куда он мог в дальнейшем направить свои творческие порывы. Об этом могут косвенно свидетельствовать также чудом сохранившиеся конспекты Грибоедова при чтении им таких весомых трудов по русской истории, как «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова и «Древняя Российская виблиофика». А его собственные «Заметки по исторической географии России» демонстрируют превосходное знание поэтом отечественной истории.

Странствия не только наполняли жизнь поэта, они звучали во весь голос в комедии «Горе от ума». Начнём с того, что главный герой комедии Чацкий тоже странник, причём добровольный, испытывающий

«охоту странствовать» и «ездить далеко», «искать по свету, где оскорблённому есть чувству уголок». Чацкий появляется в комедии в промужетке между странниками — только «с корабля» и уже через день требует себе карету. И.А. Гончаров оценивал Чацкого как деятельного человека, «передового курьера неизвестного будущего», «русского Гамлета»: «...Ум его играл страдательную роль, и это дало Пушкину повод отказать ему в уме. Между тем Чацкий как личность несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века». Гончаров совершенно справедливо соединял Чацкого с самим Грибоедовым, утверждая, что «они недаром бились — хотя и бескорыстно, не для себя и не за себя, а для будущего и за всех».

М.О. Гершензон в своём знаменитом труде «Грибоедовская Москва» (1914) совершенно справедливо писал, что «в известном смысле «Горе от ума» — эпизод из жизни самого Грибоедова, и сам автор — прототип Чацкого... Чацкий взят в той самой позиции, в какой дважды был сам Грибоедов, — вернувшимся в Москву после долгого отсутствия... Особенно любопытны в этом отношении обломки комедии, ещё более приближающие Чацкого к Грибоедову. Чацкий имеет какое-то странное отношение к литературе: он, как сам Грибоедов, — «пишет, переводит. И где он был эти три года? Не в Персии ли?»

НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Когда 21 января 1826 г. в крепость Грозную прибыл фельдегер с приказом арестовать Грибоедова, благодаря содействию генерала А.П. Ермолова поэт успел уничтожить почти все свои бумаги, кроме списка «Горя от ума», чтобы себя не скомпрометировать. Злой рок в первый раз нанёс удар по наследию поэта, ведь тогда погибли не только письма и дневники, но и некоторые стихи Грибоедова. Во второй раз этот же рок привёл к полному уничтожению бумаг поэта в Тегеране во время трагедии, в третий раз во время пожара в доме его вдовы Н.А. Чавчавадзе сгорели письма и часть архива писателя, а в четвёртый раз в огне пожара в доме его дальнего родственника и биографа Д.А. Смирнова в 1877 г. погибли так тщательно собиравшиеся последним материалы к биографии Грибоедова. Вот почему нам до сих пор приходится удивляться, каким скудным оказалось наследие человека, которого Пушкин ставил в первый ряд поэтов российских.

Действительное участие Грибоедова в делах декабристов остаётся до сих пор тайной. Но одно очевидно, что из заточения поэт вернулся почти другим человеком. Он заговорил впервые в жизни о своей «счастливой звезде» и стал утверждать, что «когда характер достойного человека проходит через горнило тяжелейших испытаний, он от этого только лучше становится — поверьте, так говорит вам человек, который знает это по собственному опыту». Россия оказалась 14 декабря на трагической развилке, и то, что Грибоедов с его скептицизмом «глубокого реалиста» оказался, как Пушкин и Чаадаев, не в рядах бунтовщиков, говорит о многом.

И Грибоедов, конечно, никого не предавал, когда продолжал после освобождения служить государю и Отечеству. В эпоху установившегося тогда отчаяния именно в продолжении своей службы он нашёл в итоге лекарство от тоски и безделья, столь свойственных многим его современникам, «пустым и праздным людям» (вспомним образ Евгения Онегина). Он хотел показать всем пример службы «делу, а не лицам». Уже в сентябре 1826 г. Грибоедов снова прибыл в Тифлис, вступив в последнюю фазу своей судьбы, которой так завидовал Пушкин. Как человек дела, Грибоедов сам нашёл альтернативу ещё мишущему своё место в жизни Чацкому и как бы подписал «Горе от ума» строками собственного подвига.

Свой главный триумф Грибоедов пережил на стыке войны и дипломатии, окупившись более чем на девять месяцев в самое пекло Русско-персидской войны с «жаждой победы». На этом пути его ждало и личное участие в боевых действиях, и деятельность разведчика-дипломата, и виртуозная работа переговорщика, завершившиеся заключением суд-

боносного Туркманчайского договора между Россией и Персией. 14 марта 1828 г. Грибоедов прибыл в Петербург с этим договором, и «201 пушечный выстрел в крепости возвестил столице о сём благополучном событии». Поэт был принят Николаем I и награждён орденом Анны 2-й степени. Не будем забывать, что, по сути, его подвиг можно назвать военным, ведь проявил он себя именно в военные годы, не раз рискуя жизнью. И если мы представим невозможное, что Грибоедов вообще не написал своей комедии, то одних его заслуг на «персидском фронте» было бы достаточно, чтобы он вошёл в историю в качестве выдающегося дипломата.

Между тем в оценке русских поэтов ещё в дореволюционные, а потом и в советские времена установились странные штампы: чем оппозиционнее и крамольнее был поэт, чем больше он тяготился своими обязанностями на государственной службе, тем он был якобы талантливей и ближе к народу. Это мнение откровенно выразил Н.П. Огарёв: «Грибоедов, опасаясь от ссылки посредством родственных связей, примкнул к правительству и на дипломатическом поприще наткнулся на случайную гибель. Но талант его и без того уже был погибшим: он высказал в «Горе от ума» всё, что у него было на сердце, а дальше он ничего не мог развить в себе самом, именно потому, что он примкнул к правительству, этому гробу русских талантов и русской доблести».

А ведь на самом деле получилось как раз наоборот: поэт проявил примеры доблести и таланта именно на государственной службе, и не его вина, что из-за своей загруженности он вынужден был отодвигать в сторону поэтические занятия. Неужели вообще написанная кем-либо поэма или сборник стихов с оппозиционными настроениями могут перевесить на весах истории многолетнюю успешную службу, а тем более реальные заслуги на военном или политическом поприще во славу России? И как же несурзано звучали ещё совсем недавно высказывания советских литературоведов, которые не раз заявляли, что Грибоедову, изменившему идеалам декабризма, надо было уйти в отставку и не заниматься утопиями в духе проекта «Российской Закавказской компании». Такую же тенденциозную оценку можно разглядеть и в романе Ю. Тынянова «Смерть Вазира-Мухтара».

Грибоедову посчастливилось жить в «эпоху славы», когда в России, выполнявшей на Востоке свою освободительную миссию, вновь появилось место для подвига. Он сам писал об этом после Туркманчая, «принёсшего честь» началу царствования нового императора: «Это отзывается Рымынским и тем временем, когда всякий русский подвиг умели выставить в настоящем блеске. Нынче нет Джержавина лиры, но дух Екатерины царит над столицей севером». Грибоедов, имевший две аудиенции у императора, был им очарован, кстат, как и Пушкин: «...В разговоре с ним я забыл расстояние, которое отделяет повелителя седьмой части нашей планеты от дипломатического курьера», «Царь хорош... полслова достаточно в разговоре с ним, он уже наперёд всё постигает»; «осударь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине». В итоге поэт позднее признался: «Я слишком облагодетельствован моим государем, чтобы осмелиться в чём-либо ему не усердствовать».

После этих слов становится понятной готовность Грибоедова служить Отечеству и дальше, несмотря на такие пассажи из его писем того времени: я решил «ухать или совсем бросить службу, которую я ненавижу от всего сердца, какое бы будущее она мне не сулила», «дайте мне мое свободное время, моё перо и чернильницу, больше мне ничего не надо!» «Нас цепь угрюмых должностей// Опутывает неразрывно», — писал поэт в одном из последних своих стихотворений, но реалии жизни так и не позволили ему избавиться от служебных обязанностей.

Может быть, Грибоедов погиб в Тегеране в 1829 г. именно потому, что он уже сделал всё и больше ничего не мог сделать? Подобное парадоксальное утверждение прозвучало в словах Пушкина, который в одной из бесед в 1830 г. на слова собеседника: «О Боже мой... не говорите мне о поездке в Грузию. Этот край может называться врагом нашей литературы. Он лишил нас Грибоедова», — прямо ответил: «Так что же?». Ведь Грибоедов сделал своё. Он уже написал «Горе от ума». Андрей Битов по этому поводу оставил своё определение творческих особенностей гениальных людей: «Дело в том, что гений, по-видимому, каждый раз делает всё. Создание гения — это некая высшая готовность к смерти. Грибоедов один раз сделал ВСЁ. Пушкин — неоднократно, кстат, и в тот год, когда он сказал так про Грибоедова. Что такое Болдинская осень, как не попытка написать вообще всё, чтобы ничего не осталось?»

Разница между двумя гениями состоит в том, что Грибоедову в силу избранного им сложного дипломатического поприща не оставалось ни времени, ни сил для взращивания своего таланта, Пушкин же в последние годы жизни сделал мощный творческий рывок, служа Отечеству на ниве развития русской словесности. При этом он явно тяготился тем, что не достиг всего возможного на государственной службе.

Удивительна судьба русских поэтов и писателей. Очень часто их творчество и произведения просто затмевают собой жизненные коллизии авторов, как будто написанные, пусть даже гениальные, творения ценнее человеческих судеб. А ведь главное богатство русской литературы, без сомнения, это не столько романы и стихи, а именно судьбы писателей-творцов. Именно так случилось и с Грибоедовым, чья комедия «Горе от ума» долгие годы затмевала фигуру автора.

С 9 февраля в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке откроется выставка «Дорогами Александра Грибоедова: От Москвы до Тегерана», в создании которой мне удалось поучаствовать. Советую читателям посетить её, она поможет ещё раз хотя бы частично пройти теми же дорогами, которые вели когда-то поэта в вечность.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

